

Т. А. ГРИДИНА,
Н. И. КОНОВАЛОВА
(Екатеринбург, Россия)
ПАГАМСУРЭН ЛУНДААЖАНЦАН
(Улан-Батор, Монголия)

УДК 81'42
ББК Ш105.51

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АССОЦИАТИВНОГО КОНТЕКСТА ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ

Аннотация. Предметом анализа в статье является метафора как универсальный лингвокреативный механизм номинации через ассоциативную аналогию, в основе которой лежат «социально отфильтрованные» (типологизированные) и субъективные, индивидуальные аспекты восприятия обозначаемых объектов. Ассоциативный контекст метафор с неизбежностью отражает специфику образной категоризации в разных национальных лингвокультурах. Основания такой категоризации включают в себя языковые ассоциативные стереотипы, мифологемы, прагматику быта того или иного народа, определяющие аксиологическую природу образной аналогии. Показательна в плане этнокультурной маркированности зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит «образ» животного, перенесенный на человека. В данной работе в сопоставительном ключе характеризуются зооморфные метафоры с ключевыми символами *собака* и *лошадь* в русском и монгольском языках. Анализируются различные направления развертывания ассоциативного контекста зооморфизма с учетом оснований его образной актуализации. Отмечается, что лингвокреативная природа рассмотренных зооморфных метафор (и в русском, и в монгольском языках) проявляется в афористической «обработке» ситуативных пресуппозиций, коррелирующих с акцентируемой чертой сходства животного и человека.

Ключевые слова: национальный менталитет, языковая картина мира, метафора, ассоциативный контекст.

Исследование природы лингвокреативного мышления во всем многообразии его проявлений с неизбежностью отсылает к идее В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка как зеркале мира, получающей интенсивное развитие в изучении нацио-

нальной ментальности и форм ее языкового воплощения в потенциально заданном номинативном регистре.

Творческая энергия языка в этом смысле может рассматриваться как широкое поле языковой игры, включающей «все виды «сплетенной с языком деятельности» (по Л. Витгенштейну) и определяющей особенности языковой концептуализации и категоризации действительности, задающей собственный ракурс ее интерпретации в разных лингвокультурах.

Выявление национальной специфики языковых картин мира и отдельных их фрагментов требует исследования самой лингвокреативной техники, выступающей транслятором образов сознания конкретного этноса.

Закономерным в этой связи является обращение к метафоре как лингвокогнитивному инструменту номинации через ассоциативную аналогию, в основе которой лежат «социально отфильтрованные» (типологизированные) и субъективные, индивидуальные аспекты восприятия обозначаемых объектов. Универсальность данного способа означивания определяется операциональной способностью носителей языка к установлению сходства между перцептивно воспринимаемыми свойствами окружающего мира: «... практически все объекты реальной действительности потенциально обладают способностью к выражению того или иного признака» [Глазунова 2000: 69]. Подчеркнем, однако, что, будучи условным символом, метафора – это способ номинации, моделирующий во многом субъективный образ обозначаемого.

В то же время «субъективизированный» [Рут 2018] характер метафорической номинации не отменяет ономаσιологической (социально «отфильтрованной») типологизации названий объектов той или иной денотативной сферы. Ср., например, «популярные» модели метафорической номинации в оронимии (в частности, названия гор, представляющие их в образах человека, животных, мифических существ, предметов быта характерной

формы [Гридина 1977: 21-24]²¹; для фитонимических номинаций свойственны зооморфные образные наименования по признаку «дикий, ложный, ненастоящий» (*волчьи ягоды, заячья капуста*), по сходству растений с внешним видом животного (*лисий хвост*), по целебным свойствам (*зверобой, доктор* – лечебные травы) [Коновалова 1998; Гридина, Коновалова 2017: 199-204] и т.п.

Важным аспектом метафорической номинации является ее оценочно-характерологическая направленность, определяющая избирательность в выборе ассоциативных аналогов для образных корреляций, и отнюдь не случайно характеристической функцией наделяется лишь то, что составляет народную аксиологию, т.е. то, что ценностно маркировано в сознании носителей языка. Ассоциативный контекст метафорического наименования аккумулирует и стереотипы коллективного языкового сознания (свойственные определенной лингвокультуре верования, мифологии, прагматику быта [Коновалова 2017: 401-412]), и собственно индивидуальное восприятие образной мотивации названия (при этом выявляется вариативность актуализации метафорического образа) [Гридина, Коновалова 2009: 73-94].

К продуктивным моделям метафорического выражения стереотипов сознания относится зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит «образ» животного, перенесенный на человека. Такие метафоры обладают несомненной этнокультурной маркированностью, что обуславливает особый интерес к их изучению в плане ассоциативной вариативности в разных лингвокультурах.

Зооморфизмы, характеризующие человека, могут содержать в себе общеоценочный смысл, а также дополнительные оценочные приращения, основанные на этнокультурных стереотипах (см., например, *собака* – зооморфизм, имеющий общеоценочную – как положительную, так и отрицательную – характеристическую функцию по отношению к человеку; ср. перен.

²¹ Ср., например, *Старик и Старуха* – горы, стоящие рядом; *Седло* – обозначение двух гор округлой формы, соединенных перемычкой, *Игла, Шило* – для остроконечных вытянутых скал с отвесными склонами, Медведь-гора и т.п.

бранное. *Собака ты паршивая* [МАС] и одобрителное *Учен, собака!* [МАС]. Частнооценочными смыслами зооморфизма *собака* в русском языке являются ‘злой’, ‘преданный’ и др.). Данный зооморфный символ в восточных лингвокультурах (в частности в монгольском языке) также имеет свою аксиологическую специфику.

Выступая языковой универсалией, зооморфные метафоры вместе с тем отражают специфические черты быта и ментальности конкретного народа – как в плане выбора образного символа для номинации тех или иных свойств человека, так и в плане их оценочной дифференциации.

Рассмотрим в данном сопоставительном ракурсе специфические особенности ассоциативного контекста зооморфных метафор с использованием лексем *собака* и *лошадь* в русском и монгольском языках, где приведенные эталоны образной номинации культурно значимы и символически нагружены

В русском языке для обозначения образа лошади существует несколько лексических единиц: *лошадь, конь, кобыла, кляча, жеребец, мерин* и некоторые др. Соответственно каждая лексема имеет свою сочетаемость (в том числе и устойчивую) и свой набор коннотаций. Ср., например, *кляча* – разг. пренебр. ***плохая, обычно старая лошадь*** [Ожегов 1997: 279]; *конь* – (преимущ. о самце), ***боевой конь, конь-огонь*** и т.д.

За каждой из номинаций лошади закреплена своя система переносных (метафорических) значений, своя афористика, отражающая образное преломление стереотипов восприятия соответствующего образа русскими. Приведем несколько примеров устойчивых сравнений: *как ломовая лошадь* – работать много с чрезмерной напряженностью [Огольцев 2001: 328]; *как застоявшийся конь* – проявлять нетерпеливое стремление к движению, действию; *как норовистый конь* – своенравный, горячий, порывистый, способный на неожиданные резкие действия [Огольцев 2001: 273]; *как старая (водовозная, загнанная, измученная, разбитая) кляча* – работать очень много, без отдыха, с чрезмерным напряжением, до изнеможения, чувствовать себя предельно уставшим, измученным, изнуренным физически [Огольцев 2001: 256-257] и др.

Подобный процесс метафоризации отмечается и в монгольском языке, однако символика образа этого домашнего животного и его коннотативная «палитра» иная. Сама частотность обращения к данному символу свидетельствует о его особой выделенности в картине мира монгольского народа.

Для монгольского языкового сознания категоризация действительности через образ лошади является весьма продуктивным способом формирования когниций, связанных с **положительной оценкой** человека, его физических и интеллектуальных свойств, с представлением пространственно-временных, процессуальных и других сущностных параметров человеческого бытия.

Например: Лошадь (*адуу*), конь (*морь*): *Адуу шиг хурдан* – быстрый как лошадь. Ср. также: *Адуу шиг хийморьтой* – удачливый, везучий – о человеке, который легко добивается успеха во всем (очевидно, в основе метафоры – аналогия с образом скачущей лошади, легко преодолевающей препятствия); *Адуу шиг цовоо* – быстрый, ловкий, подобно коню – о человеке, который встает с восходом солнца (ср. рус. *Кто рано встает, тому Бог подает*; зооморфизм *жаворонок* – о человеке, который рано просыпается; *ранняя пташка* – о том, кто с самого начала дня приступает к делам). В монгольском языке выражаемая устойчивыми сравнениями оценка качеств (свойств) человека ловкого, способного добиться всего, что он захочет, основана на пресуппозиции «лошадь хорошо бежит», поэтому все успевает. Ср. также: *Морь сайтай* – шутл. разг. «человек, имеющий хорошего коня». Так говорят о неожиданном госте, который приходит как раз в тот момент, когда семья собирается обедать. Ср. рус. выражение *как раз к столу* (поспеть); *чует еду за версту, еду носом чует*. Пресуппозиция, лежащая в основе метафоры в монгольском языке: тот, у кого есть хороший, конь, не упустит своего, в том числе и возможность «угоститься» задаром).

Ам алдвал барьж болдоггүй, агт алдвал барьж болдог – слово не конь, выпустишь – не поймашь. Ср. рус.: *слово не воробей – выпустишь не поймашь*. Переносная символика данных выражений в русском и монгольском языках одинакова, а выбор

актуального образного эталона сравнения (из числа зоонимических номинаций) – различен.

Эр хүн хэлсэндээ, эмээлт морь харайсандаа – подпрыгивать в седле – человеку, который искусен в споре (в словах) так же, как хороший наездник. Ср. также: человек, который держит слово (обязательно выполняет то, что обещает). Ср.: *мужчина в споре силен языком = словами, а конь в схватке – прыжком.*

Ажил хийж хүн болдог, ар давж хүлэг болдог – букв.: преодолевший перевал (на лошади) становится скакуном, а совершивший труд становится человеком. Ср. пословицы в рус. яз.: *без труда не вынешь и рыбку из пруда; с мастерством люди не рождаются, но добытым мастерством гордятся.* Пресуппозиция к монгольской метафоре та же, но образная символика связана с условиями кочевой жизни народа, где владение искусством езды на коне составляет жизненно важное умение.

Барих гэртэй, унах морьтой – букв.: с юртой, чтобы построить, с лошадей, чтобы оседлать. Пресуппозиция: юрта и лошадь – самое необходимое в жизни кочевого монгола, то, что обеспечивает его существование.

Хүн болох багаасаа хүлэг болох унаганаасаа – о том, что воспитание ребенка должно начинаться с рождения. Все, что есть во взрослом, закладывается в детстве (букв.: стать человеком с детства, стать конем «с жеребёнка»). Само ассоциативное отождествление ребенка и *жеребенка* показательно как фактор, выявляющий ценностные приоритеты монгольской культуры (хороший, верный конь – тот, что обучен слушаться своего хозяина начиная с возраста жеребёнка). Ср. рус.: *Дитяtko что тесто: как замесил, так и выросло. / Чему Ваня не научился, того Иван не выучит. / Учи сына, пока поперек лавки лежит. Вдоль вытянется – трудно будет*²².

Эх нь хээр алаг бол унага нь шийр алаг – букв.: если мать-кобылица гнедая, то и у жеребёнка ноги гнедые. Обычно метафорическое выражение употребляется в ситуациях, когда речь

²² Ср. «поучительную» метафорически выраженную сентенцию «Вырастет из сына свин, если сын свинок» с тем же смыслом в детском стихотворении В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?».

идёт об отрицательной оценке поступков человека. Ср. рус.: *Яблоко от яблони недалеко падает / Не родит свинья бобра* и т.п. Пресуппозиция в рус. и монг. пословицах сходная, различия проявляются в выборе основания образной аналогии (в данном случае сходство масти взрослой лошади и ее «ребенка»).

Таким образом, национально-культурная специфика метафор и метафорических выражений со словом «лошадь» в русском и монгольском языках связана как с различиями в образе жизни данных этносов, так и с различиями в символическом осмыслении зооморфного образа.

Рассмотрим национально-культурные сходства и различия в осмыслении зооморфных метафор с использованием ассоциативной символики слова *собака*.

СОБАКА. *Перен., разг.* О злом, грубом человеке [Ожегов 1997]. *Прост.* Употребляется как бранное слово. *Прост.* Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо [МАС, т.4: 168].

Основой метафорического переноса является, с одной стороны, сема 'злая', которая ассоциативно разворачивается следующим образом: *злиться – лаяться – ругаться*; с другой стороны, – сема 'верная', которая ассоциативно разворачивается так: *верная – надёжная – преданная*. Ср. устойчивые сравнения: *Как бешеная собака – бросаться на кого-либо с бранью, руганью, оскорблениями; лаяться как собака – грубо разговаривать, ругаться; рычать на кого-либо, как собака – грубо, зло говорить, выражать недовольство; как верная собака – преданный, верный кому-либо всецело, неизменно, самоотверженно; как верная собачка – ходить, бегать, всюду следовать за кем-либо в силу привязанности, преданности; сидеть как собака на цепи – не иметь возможности выхода, ухода откуда-либо; как бездомная собака – не иметь своего очага, пристанища, быть одиноким, мыкаться по свету; как побитая собака – идти за кем-либо, уходить от кого-либо, возвращаться к кому-либо, смотреть на кого-либо с угнетенно-покорным, виноватым видом, с гнетущим чувством оскорбленного самолюбия [Огольцев 2001: 615-625].*

Доминантными характеристиками для восприятия образа собаки являются признаки *преданная, злая, друг*, что нашло отра-

жение в народной афористике и традиционной символике: собака в русской лингвокультуре – символ верности.

Очень любопытно в этой связи отождествление зооморфизмов *лошадь* и *собака* (как обладающих символикой «верности») в монгольской культуре. Ср.: *Морь нохой мэт зүтгэх* – служить как лошадь и собака. О верном, преданном друге. В основе этой зооморфной метафоры лежат ценностные приоритеты монгольского народа, основанные на эмпирическом опыте: лошадь – преданное животное, которое верно служит хозяину и требует хорошего ухода.

В монгольском языке собака (нохой) представлена следующим «репертуаром» оценочных характеристик: *Гүйх нохойд гүйхгүй нохой саад* – о человеке, который вертится под ногами, мешая кому-л. заниматься делом (букв.: бегающей собаке мешает небегающая) / *Нохойн замаар орох* – совершать неблагоприятные поступки, порицаемые обществом (букв.: ходить собачьей дорогой), ср. переносный смысл устойчивых выражений *сбиться с прямого пути, катиться по наклонной плоскости, идти по кривой дорожке* / *Нохойн хороо/оромж шиг суух* – о неряшливом, грязном человеке (букв.: как на псарне). Ср. в рус. яз.: *как шелудивый / ободранный пес.* / *Эсгий хийх газар нохой хэрэггүй* – «лишний», бесполезный в каком-л. деле человек (букв.: когда валяют войлок, собаки не нужны). Ср. рус.: *как собаке пятая нога* (о том, что представляется ненужным, бесполезным) / *Нохой шарваач, ноён урваач* – о непостоянстве в дружбе. В основе метафорического переноса аналогия поведения человека и собаки, виляющей хвостом, чтобы добиться чьего-л. расположения (получить подачку в виде еды). Ср. в рус. яз.: *как вертлявая собака* (= виляет языком, как собака хвостом). Отметим оценочную амбивалентность этого образа (ср. традиционное представление о собачьей верности, преданности). / *Яс булуулдсан нохой шиг* – о неуступчивом, упрямом человеке, агрессивном по отношению к окружающим (букв.: вырывать что-то друг у друга, как собаки борются за владение костью). / *Чаа гэх ямаагүй, туу гэх нохойгүй* – бедный человек (букв.: у человека ни коз, ни собак). Ср. рус. *гол как сокол, беден как церковная мышь*. Здесь явно ощущается этнокультурный

«диссонанс», проявляющийся в выборе прототипических эталонов образной мотивации. / *Овсон хүн жаргаж золбин нохой зоолно* – пришло время несчастному стать счастливым, бродячей собаке – тучнеть. В данном случае «тучнеющая» собака – символ улучшения жизненных обстоятельств. В русском языке аналогов данного смысла нет (*собака* не воспринимается как эталон «сытого» благополучия; скорее, в этой функции может выступать зооморфизм *кот*, ср. разг. как *разъевшийся, разжиревший кот*) / *Явсан нохой яс зууж, хэвтсэн хүн хээл алдана* – аналог выражения *под лежащий камень вода не течет* (букв.: «идущая» собака схватывает зубами кость, а «лежащая» – упускает пищу).

Приведенный для сопоставления перечень примеров, безусловно, не претендующий на исчерпывающую полноту, тем не менее, наглядно демонстрирует тот факт, что зооморфные метафоры с использованием эквивалентных номинаций разных языков (*лошадь* и *собака*), обладают в русской и монгольской лингвокультурах широким спектром коннотаций, связанных с разными направлениями ассоциативного развертывания базового семантического компонента (или с целым «пучком» ассоциаций от нескольких сем в структуре исходного зоонима). В целом ряде случаев символическая метафорика в сравниваемых лингвокультурах совпадает. Однако есть и ощутимые различия. Так, характеристики человека по интеллектуальным качествам, по поведенческим реакциям, по социальному положению, по внешнему виду и т.п., «эксплуатирующие» образ собаки, в русской традиции варьируются от крайне положительных, связанных с идеей верности, надежности, дружелюбия до крайне отрицательных (грубость, агрессивность, злость). В монгольской же традиции «собачья» метафора представлена в большей степени на шкале отрицательных характеристик человека по поведенческим реакциям. Что касается векторов образной актуализации зоонима *лошадь*, то здесь явно прослеживается превалирование ценностной доминанты этого символа в монгольском языке по сравнению с русским (при общей, в целом положительной коннотированности данной лексемы).

Лингвокреативная природа зооморфных метафор (и в русском, и в монгольском языках) проявляется в афористической «обработке» ситуативных пресуппозиций, коррелирующих с акцентируемой чертой сходства животного и человека.

ЛИТЕРАТУРА

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. – СПб., 2000

Гридина Т. А. Образные ономаσιологические модели в оронимии // Вопросы ономастики. 1977. №12.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Национально-культурная специфика зооморфных метафор: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2009. №7.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Номинативная деятельность в свете показаний языкового сознания: рациональные и эмоциональные основания лексической мотивации // Эмоциональное и рациональное в русском языке. Сб. трудов Международной научной конф., посвященной 85-летию ... П. А. Леканта. – М., 2017.

Коновалова Н. И. Рациональное и эмоциональное в семантике демонологемы // В созвездии слова и имен. Сб. научных статей к юбилею М. Э. Рут. – Екатеринбург 2017.

Коновалова Н. И. Сакральные мотивы номинации растений // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1998.

Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Рут М.Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений // Лингвистика креатива – 4: коллект. монография / Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018.

Уранчимэг Б. Особенности монгольских фразеологических единиц, характеризующих человека: Лингвокультурологический аспект. – Улан-Удэ, 2005.

Цолмон Ш. Сопоставительное исследование фразеологизмов монгольского и русского языков: Лингвокультурологический аспект. – Улан-Батор, 2006.

Словари

Аким Г. Монгол өвөрмөц хэлцийн тайлбар толь. – Улан-Батор, 1999.

Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улан-Батор, 1983.

Лувсандэндэв А. Монгол-орос толь. – М., 1957.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М., 2001.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Издание 4-е, дополненное. – М., 1997.

©Гридина Т.А., 2018

©Коновалова Н.И., 2018

©Лундаажанцан П., 2018